

Н. И. Веселовский

**Сочинения Чокана Чингисовича
Валиханова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. И. Веселовский**
Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / Н. И. Веселовский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 622 с.

ISBN 978-5-4241-4719-7

ISBN 978-5-4241-4719-7

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	I—XLVII
Замѣтка Н. И. Веселовскаго	I—III
Біографическія свѣдѣнія о Чоканѣ Валихановѣ:	
1) Г. Н. Потанина	IV—XXXIV
2) Н. М. Ядринцева	XXXV—XXXIX
3) И. И. Ибрагимова	XI—XLVI
Замѣтка о надгробномъ памятникѣ Чокана Валиханова	LXVII
Статьи Чокана Валиханова:	
Аблай	1— 7
Слѣды шаманства у киргизовъ	8— 36
Вооруженіе киргизъ въ древнія времена и ихъ военные доспѣхи	37— 40
Очерки Джунгаріи	41— 78
О состояніи Алтышара или шести восточныхъ городовъ китайской провинціи Нанъ-лу (Малой Бухаріи) въ 1858—1859 году	79—150
1) Географическій очеркъ	79—107
2) Историческій очеркъ	107—150
Записка о судебной реформѣ у киргизъ Сибирскаго вѣдомства	151—178
Изъ черновыхъ бумагъ Чокана Валиханова	179—320
1) Записка № 1.	179—194
2) Записка № 2.	194—201
3) Шуна Батырь	201—208
4) Смерть Куко-тай хана и его поминки	208—222
5) Идиге (джирь). Вступленіе	223—264
6) Эдигей	265—273
7) Замѣтки о шаманствѣ. Тенкри (Богъ)	274—282
8) Преданія и легенды Большой Киргизъ-Кайсацкой орды	283—285

- 9) Киргизское родословіе . . . . . 286—305
- 10) Черновой набросокъ . . . . . 306—311
- 11) Черновыя замѣтки къ статьѣ Аблай-
ханъ . . . . . 312—320
- О кочевкахъ киргизъ . . . . . 321—326

Приложеніе.

- Извлеченіе изъ дѣла объ отправленіи поручика
Чокана Валиханова въ Кашгаръ. Замѣтка
редактора . . . . . 329—347
- Маршрутъ 348
- Выписка изъ отчета о путешествіи въ Кашгаръ
поручика Валиханова . . . . . 349—484
  - 1) Описаніе Алтышара или Кашгара . . . . . 355—356
  - 2) Описаніе пути въ Кашгаръ и обратно
въ Алтавскій округъ . . . . . 357—397
  - 3) Исправленія и дополненія къ Отчету
о состояніи Алтышара или шести
городовъ Восточнаго Туркестана въ
1858—9 годахъ . . . . . 398—403

Продолженіе отчета.

- 1) Народонаселеніе . . . . . 403—419
- 2) Правительственная система и полити-
ческое состояніе края . . . . . 419—455
- 3) Промышленность и торговля . . . . . 455—484

Изъ письма Н. Ф. Петровскаго къ Н. И. Веселов-
скому . . . . . 486—488

Маршруты, собранныя Валихановымъ во время
путешествія въ Кашгаръ . . . . . 489—504

Письма Валиханова къ Г. А. Колпаковскому . . . . . 505—518

Письма Валиханова къ К. К. Гутковскому . . . . . 519—531

Дополненія и поправки 532

Указатели:

- 1) Личный . . . . . I—XVIII
- 2) Географическій . . . . . XIX—XXXII

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ блестящій метеоръ промелькнулъ надъ нивой Востоковѣдѣній потомокъ киргизскихъ хановъ и въ то же время офицеръ русской арміи Чокапъ Чингисовичъ Валихановъ. Русскіе-ориенталисты единогласно признали въ лицѣ его феноменальное явленіе и ожидали отъ него великихъ и важныхъ откровеній о судьбѣ тюркскихъ народовъ; но преждевременная кончина Чокапа лишила насъ этихъ надеждъ. Онъ умеръ отъ чахотки, не достигнувъ и 30-лѣтняго возраста. Генераль-губернаторъ Западной Сибири Гасфортъ, обратившій вниманіе на выдающіяся способности Валиханова, сталъ, на сколько возможно, покровительствовать ему въ ученыхъ занятіяхъ и выхлопоталъ для него поѣздку въ Кашгаръ развѣдочнаго характера, ознаменовавшуюся важными результатами въ научномъ отношеніи. Когда Валихановъ вернулся изъ Кашгара, Гасфортъ самъ принималъ участіе въ редактированіи отчета объ этой поѣздкѣ и затѣмъ далъ Валиханову командировку въ С.-Петербургъ. Описаніе путешествія въ Кашгаръ и составляетъ главную работу этого замѣчательнаго человека; другія его статьи, за ничтожнымъ исключеніемъ, остались или необработанными, или въ видѣ черновыхъ набросковъ; но и эти статьи большею частію сохранились не въ автографахъ, а переписанными другою рукою, причемъ переписчикъ не всегда справлялся съ своею задачею; при чрезвычайно неразборчивомъ почеркѣ Валиханова, онъ то оставлялъ пробѣлы въ своемъ спискѣ, то искажалъ слова, а самъ авторъ почему-то не сдѣлалъ необходимыхъ исправленій ¹⁾. Тѣмъ не

¹⁾ Нѣкоторыя бумаги переписаны К. К. Гутковскимъ, помощникомъ военнаго губернатора въ Омскѣ, очень дружившимъ съ Чокапомъ Валихановымъ.

менѣе всѣ изысканія Валиханова настолько важны, что Совѣтъ П. Р. Географическаго общества въ засѣданіи 24 апрѣля 1867 г. постановилъ издать въ Запискахъ Общества всѣ рукописи, оставшіяся послѣ Ч. Ч. Валиханова. Это предпріятіе тогда не осуществилось, а нѣкоторыя статьи Валиханова, требовавшія обработки, разошлись по рукамъ. Такъ, въ бумагахъ В. В. Григорьева я нашелъ двѣ тетрадки Чокана, одна заключала киргизскій текстъ сказанія объ Идиге, другая—сокращенный русскій переводъ его ¹⁾.

Въ 1887 г. Г. Н. Потанинъ вновь возбудилъ вопросъ объ изданіи сочиненій Валиханова, причемъ степной генералъ-губернаторъ Г. А. Колпаковскій выразилъ согласіе изыскать средства на это изданіе изъ мѣстныхъ источниковъ ²⁾. Но Колпаковскій вскорѣ былъ переведенъ на службу въ Петербургъ, и дѣло изданія опять остановилось. Тогда Г. Н. Потанинъ обратился ко мнѣ съ просьбою принять на себя редакцірованное предположеннаго сборника сочиненій Валиханова и подыскать этому сборнику издателя. Несмотря на свои сложныя занятія, я не рѣшился уклониться отъ этого дѣла, находя его безусловно полезнымъ и необходимымъ, какъ въ память Чокана Валиханова, такъ въ интересахъ востоковѣдѣнія, и принялъ на себя нелегкую обузу разобраться въ его бумагахъ. Этотъ трудъ оказался гораздо значительнѣе, чѣмъ я думалъ. Г. Н. Потанинъ передалъ мнѣ копіи, къ сожалѣнію, несвѣренныя съ оригиналами; а нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ достать не удалось. Впослѣдствіи, при посредствѣ г. Потанина я получилъ еще связку черновыхъ бумагъ Валиханова отъ Е. К. Гутковской, дочери К. К. Гутковскаго.

По просьбѣ моей *Г. Н. Потанинъ* и *Н. М. Ядринцевъ* написали свои воспоминанія о Чоканѣ Валихановѣ; а кромѣ того я получилъ замѣтку о немъ, написанную его соотечест-

¹⁾ Трудъ приготовить для печати киргизскій текстъ сказанія объ Идиге взялъ на себя профессоръ Сиб. университета П. М. Меліоранскій.

²⁾ Тогда же Г. А. Колпаковскій предроводилъ Г. Н. Потанину копію съ докладной записки штабъ-ротмистра Валиханова по вопросу объ устройствѣ судебной части въ Акмолинской области, составленной на основаніи наблюденій и фактовъ, замеченныхъ изъ дѣлъ областного правленія и окружныхъ приказовъ.

ниникомъ, *И. И. Ибрагимовымъ*, служившемъ въ Туркестанскомъ краѣ и скончавшемся въ 1891 г. отъ холеры въ Джеддѣ, въ должности російскаго консула. *С. Я. Капустинъ*, хорошо знавшій Валиханова, независимо отъ задуманнаго изданія, предполагалъ написать подробную біографію Валиханова, но все дѣло ограничилось лишь однимъ вступленіемъ, въ которомъ о самомъ Валихановѣ не имѣется никакихъ свѣдѣній ¹⁾.

Совѣтъ И. Р. Географическаго общества, по моему представленію, призналъ возможнымъ принять на средства Общества расходы по изданію сочиненій Валиханова, и я могъ приступить къ печатанію. Больше всего меня смущало то обстоятельство, что я не могъ получить того оригинала, съ котораго печаталось основное произведеніе Валиханова: «О состояніи Алтышара или шести восточныхъ городовъ китайской провинціи Нань-лу (Малой Бухаріи) въ 1858 — 1859 году»; а между тѣмъ статья эта редактирована въ Запискахъ Общества такъ небрежно, что она полна опечаткамъ, и пользоваться ею иногда было крайне рискованно. Только по напечатаніи ея мнѣ представилась возможность ознакомиться съ тѣмъ отчетомъ Валиханова, который хранится въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Отчетъ переписанъ писарскою рукою и мѣстами, но не вездѣ, исправленъ самимъ Валихановымъ. Всѣ разногласія этого текста съ напечатаннымъ въ этомъ томѣ, я помѣстилъ особо (стр. 398—403), а всѣ прочія добавленія представилъ цѣликомъ.

Н. Веселовскій.

¹⁾ Бумаги С. Я. Капустина поступили къ Я. П. Смирнову, который съ полной готовностью сообщилъ мнѣ записку Капустина, но ничего отсюда и извлечь для дѣла не могъ.

Чормановичъ умеръ въ 1887 году. Семейство его живетъ въ Байнъ-аульскомъ округѣ.

Чоканъ былъ старшій сынъ у Чингиса Валіевича. Кромѣ того у Ч. В. были еще дѣти: сынъ Махмудъ, другой сынъ глухонѣмой, дочь Нуридэ, которая въ настоящее время замужемъ за Садвакасомъ, старшимъ сыномъ Мусы Чорманова.

Чоканъ былъ привезенъ въ Омскъ осенью 1847 г. Его привезъ В. И. Дабшинскій, переводчикъ киргизскаго языка, состоявшій при такъ называемомъ Пограничномъ Начальникѣ, т. е. при генералѣ, завѣдывавшемъ киргизами Сибирскаго вѣдомства. Я увидѣлъ Чокана въ первый разъ еще до его поступления въ корпусъ, именно въ квартирѣ В. И. Дабшинскаго. Какъ это случилось, я не помню; до этого визита я никогда у Дабшинскаго не бывалъ. Я уже въ это время прожилъ годъ въ корпусѣ, а потому вѣроятно, меня избрали нарочно въ первые знакомцы Чокану, чтобы онъ не такъ сильно почувствовалъ свое одиночество, когда его, наконецъ, оставятъ въ стѣпахъ корпуса. Чоканъ ни слова не зналъ по-русски и уже тогда любилъ рисовать карандашомъ; Дабшинскій показывалъ картишку, нарисованную Чоканомъ уже въ Омскѣ; русскій городъ поразилъ мальчика, и онъ изобразилъ карандашомъ одинъ изъ городскихъ видовъ.

Войсковое казачье училище только передъ поступленіемъ Чокана было преобразовано. До 1846 года это была казачья бурса; часть учителей, особенно въ низшихъ классахъ, были урядники; обращеніе съ воспитанниками было грубое; обѣдали воспитанники съ оловянныхъ тарелокъ деревянными ложками; въ классахъ все было основано на долбленіи «отъ сихъ и до сихъ»: за неуспѣхи и шалости сильно пороли. Преобразование началось съ того, что изъ Петербурга были присланы офицеры-воспитатели; старая посуда замѣнена фаянсовой, ложки дапы серебряныя, пищу значительно улучшили, воспитанникамъ стали говорить «вы». Но самая главная реформа была произведена въ классахъ; молодой артиллерійскій капитанъ Жданъ-Пушкинъ, служившій въ строю на Кавказѣ, былъ назначенъ инспекторомъ классовъ. Онъ внесъ новый духъ въ заведеніе.

Жданъ-Пушкинъ былъ разносторонне образованный человекъ; онъ зналъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки, былъ отлично знакомъ съ исторіей европейской литературы, особенно англійской, и съ исторіей вообще. Случалось, что иной предметъ останется безъ преподавателя—Жданъ-Пушкинъ бралъ преподаваніе на себя. Такъ опъ по временамъ читалъ намъ алгебру, всеобщую исторію и артиллерію, и каждый предметъ опъ читалъ лучше учителя. По главнымъ образомъ его благородный и открытый характеръ оставлялъ глубокій слѣдъ въ умахъ его питомцевъ; кадеты старались подражать ему.

Первымъ его дѣломъ было сформировать новый составъ учителей. Изъ старыхъ опъ оставилъ только трехъ, въ томъ числѣ Ник. Оед. Костылецкаго. Костылецкій преподавалъ русскій языкъ и русскую словесность. Опъ былъ собственно оріенталистъ, кончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ по восточному факультету, готовился въ драгоманъ въ Константинополь, но такъ какъ былъ казакъ, то долженъ былъ вернуться на родину въ Сибирское казачье войско, гдѣ его сдѣлали преподавателемъ русскаго языка въ войсковомъ казачьемъ училищѣ. Опъ зналъ хорошо языки арабскій, персидскій и особенно нарѣчіе казанскихъ татаръ. Сначала Костылецкій возмущался назначеніемъ учителемъ русской словесности и тѣмъ, что его отрывали отъ занятій, къ которымъ онъ чувствовалъ призваніе, но потомъ примирился съ предметомъ и даже, какъ опъ говорилъ, очень полюбилъ его. Костылецкій былъ другъ оріенталиста Березина, доставлялъ ему матеріалы о киргизскомъ нарѣчій, собиралъ образцы киргизскаго народнаго творчества, имѣлъ нѣсколько вариантовъ киргизской большой сказки о Козу-курпечѣ. Для него, конечно, Чоканъ былъ очень интересный субъектъ. Для кадетъ Костылецкій имѣлъ большое значеніе; онъ отличался независимымъ характеромъ и былъ очень остроуменъ; пошлость опъ преслѣдовалъ язвительными насмѣшками; опъ былъ поклонникъ идей Бѣлинскаго и почитатель таланта Гоголя: въ своей исторіи словесности опъ руководствовался статьями Бѣлинскаго, что потомъ, однимъ изъ генераловъ-инспекторовъ, ревизовавшихъ

корпусъ (не помню Клюпфелемъ или Аппенковымъ) было поставлено ему въ упрекъ.

Другой изъ оставленныхъ старыхъ учителей былъ Евг. Ив. Старковъ, также какъ и Костылецкій, родомъ сибирскій казакъ. Это также былъ очень способный человекъ, но получилъ образованіе только въ войск. казачьемъ училищѣ, и дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ не могъ получить, потому что, какъ казакъ, долженъ былъ по выходѣ изъ училища, остаться на службѣ въ войскѣ. Онъ отличался необыкновенной памятью, предметъ зналъ хорошо и читалъ добросовѣстно: былъ очень добрый человекъ, тихій, задумчивый и разсѣянный. Жданъ-Пушкинъ просилъ его познакомить насъ поподробнѣе съ географіей Киргизской степи, что Старковъ и сдѣлалъ: потомъ онъ даже напечаталъ свой географическій очеркъ Киргизской степи. Это было для кадетъ очень полезно, потому что многимъ изъ нихъ, особенно казакамъ, пришлось подолгу служить въ Киргизской степи и ходить по ней въ походъ.

Для преподаванія исторіи Жданъ-Пушкинъ выписалъ молодого учителя Гонсѣвскаго. Гонсѣвскій былъ сначала студентомъ Виленскаго университета, потомъ, съ закрытіемъ послѣдняго, перешелъ въ Казанскій. Это былъ изъ нашихъ учителей самый начитанный; онъ продолжалъ слѣдить за своей наукой, выписывая много книгъ и, повидному, готовился къ болѣе серьезной профессіи, чѣмъ преподаваніе въ провинціальномъ среднемъ учебномъ заведеніи. Феноменальная застѣнчивость указывала на какую-то духовную ненормальность его, и рассказывали, что уѣхавъ вскорѣ въ Россію, онъ застрѣлился. Лекціи его имѣли для насъ большое значеніе. Въ кадетскихъ корпусахъ исторію по программѣ позволялось доводить только до 1815 года, по Гонсѣвскій, конечно съ разрѣшенія Жданъ-Пушкина, довелъ ее до 1830 года. Особенно подробно онъ прочелъ намъ исторію великой французской революціи, выставивъ ея культурныя заслуги для европейскаго общества, сочувственно изобразивъ главныхъ ея дѣятелей, что нисколько не измѣнило нашихъ чувствъ въ отношеніи къ своему правительству, и всѣ мы изъ-подъ руки Гонсѣвскаго вышли глубокими монархистами.

Не такъ удачно былъ выбранъ учитель естественной исторіи, одинъ изъ служившихъ въ Омскѣ докторовъ. Онъ не имѣлъ никакихъ личныхъ познаній въ своемъ предметѣ сверхъ того, что заключалось въ обязательныхъ для кадетскихъ корпусовъ учебникахъ зоологій и ботаники Даля.

Для преподаванія Закона Божія Жданъ-Пушкинъ сманилъ изъ тобольской семинаріи молодаго бакалавра о. Сулоцкаго и уговорилъ его принять священнической санъ, чтобъ одновременно быть и корпуснымъ священникомъ. Сулоцкій сдѣлалъ свои уроки занимательными, оживляя ихъ интересными для дѣтей разказами, иллюстрируя ихъ примѣрами, которые онъ бралъ отовсюду, изъ Священной исторіи, изъ обыденной жизни и изъ природы. Для насъ они были важны; мы видѣли, что человекъ убѣжденный говоритъ намъ о томъ, что земныя цѣли должны быть подчинены высшимъ идеаламъ. Другіе всѣ учителя обогащали нашъ умъ только знаніями, три учителя: о. Сулоцкій, Н. Ѳ. Костылецкій, г. Гонсеѣвскій воспитывали въ насъ убѣжденіе. Чоканъ обыкновенно присутствовалъ на урокахъ Сулоцкаго ¹⁾).

Математика у насъ шла не такъ хорошо. Специально подготовленный учитель не былъ выписанъ, и Жданъ-Пушкинъ обыкновенно приглашалъ читать этотъ предметъ кого-нибудь изъ офицеровъ, служащихъ въ Омскѣ. Только Бучковскій, одинъ изъ старыхъ оставленныхъ учителей, родомъ та^{же} казакъ, какъ и Костылецкій, толково и ясно преподавалъ геометрію. Не совсѣмъ удаченъ также былъ выборъ преподавателей специально военныхъ наукъ: тактика, артиллеріи, фортификаціи и геодезій.

Для этого также приглашались случайные преподаватели изъ офицеровъ. Впрочемъ, это не были люди, не знающіе своего предмета, а только не совсѣмъ умѣлые преподаватели. Такъ, Гутковскій былъ человекъ съ обширными и разносторонними знаніями, но читалъ физику, артиллерію и тактику плохо.

Не боясь солгать, можно выразиться, что сибирскій кадет-

¹⁾ Сулоцкій много писалъ статей по исторіи православныхъ епархій въ Сибіри и по исторіи распространенія въ ней христіанства.

скій корпусъ былъ въ то время лучшимъ учебнымъ заведеніемъ во всей Сибирѣ. Даже Иркутская и тобольская гимназіи уступали ему въ выборѣ хорошихъ учителей, не говоря уже о Томской, въ которой въ это время всѣ учителя были какія-то допотопныя фигуры. По этому въ отношеніи учебныхъ занятій, дѣтство Чокана было обставлено не дурно.

Однимъ изъ первыхъ актовъ преобразованія бывшаго войсковаго казачьяго училища въ кадетскій корпусъ было раздѣленіе воспитанниковъ на двѣ части: роту и эскадронъ. Въ роту были отдѣлены дѣти чиновниковъ и пѣхотныхъ офицеровъ, эскадронъ состоялъ исключительно изъ дѣтей казаковъ. Чокана опредѣлили въ эскадронъ, вѣроятно, изъ соображенія, что между дѣтьми казаковъ найдутся знающіе киргизскій языкъ и ему на первыхъ порахъ не будетъ такъ скучно. Между нами, казачатами, дѣйствительно были болтавшіе по-киргизски. Въ эскадронѣ ему и потому было сподручнѣе, что казаки все-таки ближе къ киргизамъ по роду своихъ занятій скотоводствомъ, по знакомству съ степной жизнью, по вкусамъ къ наѣздничеству и т. д. Киргизскій барченокъ, потомокъ киргизскихъ хановъ, будущій киргизскій аристократъ попасть въ совершенно плебейскую среду, потому что многіе кадеты эскадрона были дѣти офицеровъ, выслужившихся въ офицеры изъ простыхъ казаковъ, и въ эскадронѣ, въ противоположность ротѣ, годнеподствовали казачьи преданія самаго плебейскаго свойства. Эта жизнь въ плебейской средѣ, вѣроятно, не осталась безъ вліянія на образованіе демократическихъ мыслей Чокана. Кадеты роты и эскадрона были отдѣлены и въ дортуарахъ и въ классахъ. Пріѣхавшіе изъ Петербурга офицеры сдѣлапы были начальниками въ ротѣ; въ эскадронѣ оставлены казачьи офицеры изъ состава прежняго казачьяго училища. Имъ было приказано слѣдить за нововведеніями, которыя дѣлались въ ротѣ, и вводить тѣ же порядки въ эскадронѣ. Кадеты чувствовали, что эскадронъ припуженъ. Это сознаніе припуженности сплывало за то эскадронныхъ кадетъ между собою, что сказывалось особенно на какихъ-нибудь работахъ, гдѣ приходилось ротѣ и эскадрону соревновать.

Литературныя идеи въ корпусъ вливались черезъ роту,